ИНТЕРВЬЮ 28.02.2023

«Запад утратил умение вести контрпропаганду»

Федор Крашенинников о многосложности российской пропаганды и о том, почему контрмеры Запада терпят неудачу

Интервью провели сотрудники Российской программы Фонда им. Фридриха Эберта

У российских зрителей, как вы пишете, определенно может сложиться впечатление, что на телевидении существует разнообразие мнений. Что вы имеете в виду?

Высказывается много мнений, и создается иллюзия, что в обществе представлены самые разные взгляды. В политических телешоу участвуют разные люди, в том числе представители «вражеской» повестки дня: подставные американцы, украинцы или либералы. Таким образом, у обывателя создается ощущение многоголосья. А тот факт, что все эти мнения сводятся на самом деле к одному и тому же, и альтернативные позиции карикатурны – это российскому зрителю неочевидно изнутри.

Задача пропаганды в РФ – не заставить любить Путина, а создать любой удобный способ поддержки войны. Поэтому человеку предлагается много мнений на выбор: версии о великой России, план возрождения СССР, ненависть к Украине, утверждение, что якобы война оправдана и вовсе не так плоха, ведь «они» первые напали, или потому что НАТО расширялось.

Так рождается много промежуточных позиций. Типичный пример: Игорь Стрелков, который ругает Путина и критикует российское военное руководство, но при этом поддерживает войну. Мол, Путин может не нравиться, да и армия плохо воюет, но ведь наших солдат и Донбасс бросить нельзя, а значит, надо дальше воевать.

Это затрагивает и значительный сегмент аудитории не только на постсоветском пространстве, но и в Западной Европе и Северной

Америке.

Почему российская государственная пропаганда так хорошо работает? Как ей удается распространять другие нарративы среди собственного населения даже при таких явных преступлениях, как те, что совершены в Буче?

Пропаганда всегда эффективнее правды, ибо правда одна, а пропаганда многолика. Говорящий правду ограничен рамками истины. А пропаганда может придумать разные версии и даже их менять. Политического лидера можно упрекнуть, что его мнение меняется. А вот пропагандиста нельзя, ибо сегодня выгодно одно, а завтра другое, и в этом его козырь.

Кроме того, пропаганда в России эффективна, ибо ей ничего не противостоит. Контрпропаганда со стороны Украины не работает в РФ и даже контрпродуктивна, еще больше консолидируя россиян. А успешной контрпропаганды в самой России не существует. Оппозиционные медиа лишь пересказывают ситуацию с украинской точки зрения. Это совсем не целенаправленная, последовательная работа с общественным мнением в РФ, как бы цинично это ни звучало.

Пропаганда в России эффективна, ибо ей ничего не противостоит

Рассмотрим Бучу. Для человека на Западе ситуация выглядит так: смотрите, там была российская армия, вот доказательства преступлений. Это факты, которые довольно однозначно коннотируются на Западе.

А российская пропаганда дает несколько версий на выбор. Первая: ничего не было вовсе. Если человек не согласен, ему говорят вторую: Буча была, да, но совсем не так. Резня подстроена. И далее в ход идет конспирология, сильно распространенная в России и любимая властью. Для аудитории, с которой и это не работает, есть третий вариант: конечно, люди погибли, но от рук украинцев. Или еще так: погибли, но вообще это не гражданские, это ВСУ, а значит, так им и надо. Убийство врага ведь оправдывает преступление.

Вот и получается, что один неоспоримый факт (для западной аудитории) распадается на множество теорий (для российской) – выбирай, что тебе ближе. Буча для Запада – это константа и неоспоримое преступление, а в РФ нет даже консенсуса, действительно ли оно произошло. Для россиянина само слово не так «заряжено»: ну что-то там шумят на Западе о Буче, ну было что-то такое, и что?

Путина особенно поддерживают пожилые люди. Как российская

пропаганда пытается достучаться до более молодой аудитории?

Это не так просто. Да, часть молодежи также находится под воздействием пропагандистов, но создание контента для молодых в целом провалено. Предложить им, по сути, нечего. Патриотичный певец Шаман пытается, но не попадает в молодежь, не цепляет. У молодежи свои авторитеты, и они либо молчат, либо эмигрировали и уже открыто высказываются против войны.

Стратегия работы с молодежью другая: запугать

Поэтому стратегия работы с молодежью другая: запугать. Играть на чувствах страха и слабости (что боишься идти на войну) или, наоборот, усиливать страхи (чтобы не шли на протесты) и публично наказывать несогласных. Репрессии пугают молодежь, ведь не многие готовы испортить себе жизнь и карьеру. Поэтому запугивание эффективно.

А старшее поколение о репрессиях даже не догадывается.

Российская пропаганда использует одинаковые приемы дома и за рубежом?

Нет. Приемы, конечно, разные. Это пример работ разных информационных пузырей. Люди в России зарубежные каналы не смотрят.

Обычный россиянин едва ли поверит, что Путин пользуется поддержкой ультраправых в ЕС. Поэтому на картинках с митингов на Западе в поддержку России российское телевидение ему покажет просто людей. Россияне не понимают, что за границей основная поддержка Путина идет не от всех, а преимущественно от ультраправых. Внутри России эти оттенки не видны. А перепроверить россиянин не сможет, ведь большинство из них иностранных языков не знает.

В СССР идейная вербовка союзников была в основном среди левых или идейно близких. Из-за этого российскому населению сейчас сложно поверить в работу с ультраправыми. Хотя надо сказать, что Путин работает и с левым флангом, ведь идеологии у него нет.

На российском телевидении регулярно высказываются определенные мнения, часто абсурдные или очень угрожающие, о войне в Украине или о Западе. Что это значит для Европы?

Я не вижу сейчас на Западе никаких возможностей или средств для противодействия российской пропаганде. И в этом проблема.

Даже страны Балтии не смогли. Они пытаются применять санкции, но безуспешно. Блокировки легко обойти с помощью VPN. А чем больше запрещают российские СМИ, тем больше у России появляется оснований заявить, что в Европе нет свободы слова, что путинистов не зовут на ТВ, а это ведь тоже своего рода цензура.

Чем больше запрещают российские СМИ, тем больше у России появляется оснований заявить, что в Европе нет свободы слова

Бороться надо не запретами, а демократическими способами. Российскую риторику надо публично обсуждать, приглашать публично пророссийских спикеров и развеивать их слова разумными контраргументами. Дискуссия покажет, кто прав, а кто нет. Но я могу себе представить, как такое в реальности будет работать: организаторов такого шоу сразу обвинят, что приглашают пророссийских и «не тех» пропагандистов, либо же российские спикеры не согласятся общаться не на подставном шоу.

Какие стратегии нужны Западу для эффективного распространения контрпропаганды и фактов среди российского населения, особенно в условиях цензуры?

Запад утратил умение вести контрпропаганду. Это отдано на откуп российским медиа в изгнании, где вся дискуссия сводится к тому, что Путин плохой. А это никакая не контрпропаганда, потому что их аудитория уже давно имеет такое мнение, ее не надо переубеждать.

История с запретом телеканала «Дождь» в Латвии очень показательна и еще раз демонстрирует, что подбирать полутона и эмпатию в отношении россиян опасно. Но именно в этом и должна заключаться контрпропаганда. Нам же важно, чтобы сторонники войны задумались и поменялись, а не тыкать в них пальцем, что они не правы и им не место среди «нормальных».

Как может работать контрпропаганда?

Задача – нацелиться на сомневающихся, на тех, на кого эмигрантские медиа как раз не работают. Для этого нужен особый контент и соответствующие темы. Только тогда можно будет освободить среднестатистического россиянина от влияния путинизма. Контент должен быть подготовлен и адаптирован индивидуально для соответствующей целевой группы и со знанием ее обычного потребления информации. Универсальные

стратегии здесь не работают.

Федор Крашенинников
Вильнюс

Федор Крашенинников (Fyodor Krasheninnikov) – российский политолог и публицист. В 2020 году он был вынужден покинуть Россию после осуждения за оскорбление государственной власти и в настоящее время живет в Литве.